

БАБАРЕ Г. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БАБАРЕ Георгий Иванович, родился в 1885 в селе Мындык Сорокского уезда Бессарабской губ. Получил среднее образование. Инвалид. В начале 1920-х — арестован, приговорен к 2 годам ИТЛ и отправлен в концлагерь. После освобождения проживал в Вятке, работал в учреждении. 12 декабря 1930 — арестован по групповому делу, обвинялся также и в шпионаже. 23 июля 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Белбалткомбинат.

КЮРИ-ГЕДРОЙЦ Илья Романович, родился в 1873 в Париже. Получил высшее образование. В начале 1920-х — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в концлагерь. После освобождения проживал в Москве, работал корреспондентом иностранного отдела Госбанка. 26 августа 1930 — арестован по групповому делу, обвинялся также «в контрреволюционной деятельности и в шпионаже». 25 апреля 1931 — приговорен к ВМН и 29 апреля расстрелян, тело захоронено на Ваганьковском кладбище¹.

ТАШЛЫКОВ Василий Иванович, родился в деревне Пустоши Оричевского уезда Вятской губ. В детстве работал в услужении у пароходовладельца, затем прошел обучение в слесарно-механической мастерской и работал кустарем-металлистом в Вятке. 12 декабря 1930 — арестован по групповому делу, обвинялся также и в шпионаже. 23 июля 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. К середине 1930-х — погиб в лагере².

В мае 1936 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью Георгий Иванович Бабаре.

<3 мая 1936>

«Председательнице "Помощи Политзаключенным"
Екатерине Павловне Пешковой

з/к Бабаре Георгия Ивановича,
находящегося ст<анция> Кузема
Кировской ж<елезной> д<ороги>,
2-го Куземского лагпункта,
9-го отд<еления> ББК НКВД

Заявление

8/XII-1935 г<ода> я послал Вам заказным заявлениe, в коем я просил Вас войти с ходатайством: 1) в подлежащие учреждения об освобождении меня по инвалидности, в порядке 458 ст<атьи> и 2) в Международный Красный Крест об оказании мне материальной помощи, ибо все родные мои находятся в Бессарабии, и я лишен возможности обратиться к ним за поддержкой. Не имея по сие время сведений о судьбе моего вышеупомянутого заявления, я 15 февраля сего года послал Вам открытку с оплаченным ответом, в которой просил Вас не отказать сообщить мне, в каком положении находится мое ходатайство, но и на эту открытку я до настоящего времени никакого ответа не получил. Поэтому я вынужден повторить свою просьбу подачей Вам настоящего заявления.

Постановлением К<оллегии> ОГПУ от 23/VII-1931 г<ода> я был осужден по 58 ст<атье> п<ункты> 6, 11 УК сроком на 10 лет, считая таковой с 12/XII-1930 года.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1508. С. 158. Автограф.

«Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1508. С. 158. Автограф.

«Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

Дело заключается в следующем: 13 августа 1929 г<ода> я был командирован Вятским Горсобесом в Москву, в Протезный институт, для снятия мерки с ампутированной левой руки на предмет заказа протеза.

Так как в день приезда в Москву я не мог попасть в Протезный институт из-за позднего времени, я пошел переночевать в Дом крестьянина. Но там, как и в гостинице, куда я заходил, все номера были заняты по причине происходившего в то время в Москве какого-то большого съезда. Тогда я вспомнил, что в Москве живет некто Илья Романович Кюри-Гедройц, с которым я когда-то познакомился в бытность свою в концлагере в 1924 году. Не зная его адреса, я предварительно зашел в адресный стол, откуда, наведя нужные справки, пошел к нему. В разговоре он спросил меня, как живется в Вятке, и, узнав от меня, что на Вятском базаре имеются всевозможные продукты, попросил меня, когда я приеду вторично для примерки протеза, привезти ему масла и яиц. При вторичной своей поездке в Москву, я привез ему то и другое, взамен чего он дал мне сахару.

После этой второй встречи с Кюри-Гедройцем я его больше не видел, но осенью 1929 года я написал ему письмо с просьбой о наведении во ВЦИКе справки, в каком положении находится дело о восстановлении в избирательных правах моего знакомого, Василия Ивановича Ташлыкова, и об ускорении рассмотрения его. Это письмо Ташлыков лично передал Илье Романовичу Кюри-Гедройцу, будучи в Москве для сдачи в АНАПО учебных пособий, сделанных им, как кустарем. Прочитав письмо, Кюри-Гедройц сказал Ташлыкову, что сделает все, что будет для него возможно. В 1930 году летом Ташлыков, будучи снова в Москве по делам АНАПО, вторично заходил к Кюри-Гедройцу узнать о своем деле, и тот опять обещал ему сделать все возможное, как в первый раз. С тех пор Ташлыков у него не был.

12/II-1931 года ко мне пришли на дом два агента ГПУ и произвели обыск и, хотя ничего предосудительного не нашли, тем не менее арестовали меня и препроводили в ГПУ. На допросе следователь предложил мне указать своих московских знакомых и написать, сколько раз я ездил в Москву и по какому делу.

В апреле меня отправили в г<ород> Нижний Новгород, где я был допрошен несколько раз, где в камере оказались вместе со мною двое каких-то подозрительных лиц. Я скоро заметил, что они усиленно стараются вызвать меня на разнообразные разговоры и, в частности, пытаются спровоцировать меня на высказывания антисоветского характера. Я отчетливо запомнил этот факт и потому обращаю на него Ваше внимание, что предполагаю с их стороны клевету на меня и оговор в вышеуказанном направлении, тем более усердный, что мои беседы с ними не оправдали их ожиданий. Их лживые показания, быть может, и послужили "основанием" для каких-либо обвинений против меня. Во всяком случае, из допросов в г<ороде> Вятке и в г<ороде> Нижнем Новгороде я понял, что Кюри-Гедройц обвиняется в шпионаже, а вместе с ним и мы с Ташлыковым обвиняемся в том же. Между тем, оба мы — и Ташлыков, и я жили в Вятке безвыездно, и Кюри-Гедройца, после моего первоначального знакомства с ним в 1924 году, я увидел впервые лишь пять лет спустя и видел мимолетно, проездом, а Ташлыков только два раза заходил к нему по своему делу. Тем не менее и Ташлыкову, и мне дали по 10 лет концлагеря.

Теперь Ташлыкова уже нет в живых. Он погиб невинным в лагере от перенесенных незаслуженно потрясений <...>³.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1508. С. 158. Автограф.

«14 июля 1936 г<ода>.

Екатерине Павловне Пешковой!

Позвольте обратиться к Вам со следующей просьбой:

8/XII-1935 г<ода> я послал Вам заказным заявлением, в коем я просил Вас войти с ходатайством: 1) в подлежащие учреждения об освобождении меня по инвалидности, в порядке 458 ст<атьи> и 2) в Международный Красный Крест об оказании мне материальной помощи продуктами, т<ак> к<ак> все мои родные находятся в Бессарабии, и я, таким образом, лишен возможности обратиться к ним за поддержкой.

Не получая ответа на это заявление, 15/II-сего года я послал Вам открытку с оплаченным ответом, в которой просил Вас сообщить мне, в каком положении находится мое заявление, но и на эту открытку я никакого ответа не получил.

После этого через 2½ месяца, в первых числах мая сего года, я послал Вам второе заявление (повторил первое) с просьбой о результате мне объявить, но и на это заявление я никакого ответа до сих пор от Вас так и не получил.

Между тем я страдаю совершенно невинно, т<ак> к<ак> я абсолютно не знаю и не чувствую за собой никакой вины и никогда не только не занимался шпионажем, в котором меня обвинили, но и не имел ни малейшего прикосновения к этой позорной деятельности, о чем и заявляю категорически с полным сознанием ответственности за свои слова.

Ввиду сего, я позволяю себе просить Вас не отказать объявить мне о том, в каком положении находится мое ходатайство, и, если таковое Вами не рассмотрено, — покорнейше прошу Вас ускорить рассмотрение его и о последующем прошу не отказать сообщить мне по адресу:

Ст<анция> Кузема (Мурманской обл<асти>) ныне Кировской ж<елезной> д<ороги>, 2-й пункт, Бабаре Г. И.

Простите, что беспокою Вас своими просьбами, но безвыходное положение заставляет меня обратиться к Вам.

Г. Бабаре»⁴.

В августе 1936 — заведующий юридическим отделом Помполита обратился с заявлением в Международный Красный Крест.

<10 августа 1936>

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ

Нами получено письмо от гр<ажданина> Бабаре Георгия Ив<ановича>, находящегося в к<онц>лагере: ст<анция> Кузема, Киров<ской> ж<елезной> д<ороги>, 2-й л<агерный> п<ункт> (ББК), — с просьбой об оказании ему материальной помощи через Международный Красный Крест, т<ак> к<ак> все его родные находятся в Бессарабии, и он не может обратиться к ним за помощью»⁵.

В декабре 1939 — Георгий Иванович Бабаре был освобожден из лагеря и вернулся в Киров. Работал заведующим складом хлебоуточного комбината треста "Росглавхлеб". Весной 1943 — арестован по обвинению «в антисоветской агитации», 26 июня приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь»⁶.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1508. С. 154. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1508. С. 155. Машинопись.

⁶ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.